

Как только Люциана протащили через дверь Не-Ванелла, чернильная тьма мгновенно рассеялась.

Люциан резко и громко вдохнул. Теплая обстановка и приятный холод, окружавшие его, исчезли.

Он вырвался из царства дуальностей.

Темнота осталась в его открытых и осознанных глазах, но это была тьма звездной ночи без звёзд. Его движения были дергаными и слабыми, когда он поднимался с земли, на которой покоем.

Факелы, размером с взрослого человека, возвышались в воздухе. Эти маяки света возвышались над Люцианом, едва освещая небо и землю.

Этого было достаточно, чтобы мальчик смог осмотреть себя.

Он был в броне.

Злобный панцирь из металла, сегментированный только для того, чтобы его конечности могли свободно двигаться. Почти каждая точка и край были заострены. Обнять кого-то означало бы разорвать его на куски.

Прикоснувшись к голове, он ощутил незнакомую тяжесть шлема, сидевшего на его черепе так естественно, что Люциан задумался, почему у него никогда раньше не было такого предмета.

— Потому что ты фермер, смертный. Только воин знает блаженное ощущение своей брони, — глубокий голос раздался из темноты, из теней, которые не могли осветить факелы.

Люциан, поспешно отступив от голоса, почти упал, наступив на вдруг хрустящую и податливую почву. Удержавшись, он посмотрел вниз...

— Что... — прошептал он.

И увидел, что земля была покрыта костями. Сотни тысяч костей.

Оглядевшись вокруг, его голова лихорадочно вертелась, и Люциан увидел останки людей и нелюдей. Несметные мертвецы простирались настолько далеко, насколько хватало глаз. Он стоял на море смерти, бесчисленных телах.

Вид заставил Люциана молча охнуть, но из темноты раздался глубокий смешок.

— Твой страх тебя выдает. — Люциан повернулся к голосу, в самую глубокую тьму вокруг него.

Голос продолжал издеваться над ним.

— Я всегда думал о ваших убогих созданиях лучше. Полагаю, ты самый слабый из всех, последний в выводке.

Пара больших светящихся глаз пронзила завесу тени.

— Слабак.

Это были глаза гнева и непреодолимой ярости.

В их присутствии Люциан, вопреки всему, выпрямился, его спина выровнялась в знак открытого протеста. Кто этот голос, чтобы судить его?

Факелы замигали.

Кто это неизвестное существо, которое осмеливается его так называть?

Свет факелов усилился.

С какой стати?

Тьма отступила, и свет проник в неё, открывая огромную груду черепов. Груда, которая возвышалась в самые густые тени.

Люциан смог разглядеть две очень большие ноги, обутые в броню из черненой латуни. Что бы это существо ни было, оно сидело, казалось, удобно и скучая.

Люциан заговорил, слова вырывались сами собой.

— Покажись.

Существо не ответило.

— Покажись! — громче крикнул Люциан. — Появись передо мной!

Ноги зашевелились, но не двинулись с места.

Белый, горячий, бесцельный гнев наполнил все тело Люциана. Затем громкий рык, исходящий из самого первобытного места в нем, вырвался наружу.

— Покажись!

Факелы вспыхнули ярче, и тени отступили вверх по груде черепов.

И то, что увидел Люциан... был трон.

Сделанный из черепов. Людей. Инопланетян. Орков. На некоторых были вырезаны символы. Другие были скручены и деформированы, невозможно смотреть на них более нескольких секунд.

Фигура, занимавшая этот трон? Бронированный гигант, теперь видимый до талии...

Он издал глубокий смешок. Рука в латах переместилась от места, где она покоилась, поглаживая клинок, простиравшийся на коленях существа.

Люциан не заметил меч.

Его глаза не отрывались от красных глаз, лицо и форма существа оставались скрытыми в тени.

— Я ожидаю великих вещей, смертный...

И кости под ногами Люциана начали раздвигаться.

Он не успел даже вскрикнуть от удивления, как море мертвецов поглотило его целиком.

— Великих вещей...

Остус Барроу был ещё жив.

Он знал это, потому что его легкие дышали, его глаза оставались открытыми, а тело

содрогалось от боли.

Его некогда мощное тело не могло освободиться от кольев, вбитых через его руки и ноги, приковывающих его к земле.

Требовалось бы невероятное количество силы, чтобы выбраться из такой ситуации. Силы, которой он не обладал.

Не говоря уже о борьбе с бесчисленным количеством капюшонных фигур.

С того места, где Остус мог видеть, болезненно прикованный к земле очищенного поля, культисты выстроились в большой круг вокруг центральной точки.

Группы выступали наружу, один из членов далеко впереди своих еретических товарищей. Все они были направлены к старому каменному алтарю, который лежал прямо перед головой Остуса.

На возвышенной платформе лежало тело Люциана, привязанное за запястья и лодыжки.

Остус слышал звук приближающегося автомобиля.

Раздались разговоры и восклицания.

Он надеялся, что это Гвардия, наконец-то пришедшая спасти его и других невинных, приковываемых к земле. Остус не мог видеть всех, но мог различить болезненные стоны по крайней мере семи других людей.

Его мысли от надежды на освобождение перешли к более глубокому беспокойству и страху. Если бы это было Имперское присутствие, он ожидал бы лазерного огня и взрывов.

Вместо этого часть толпы, которую он мог наблюдать справа, расступилась, позволяя высокому фигуранту с телом в руках приблизиться к каменному алтарю.

Когда они подошли ближе, Остус смог различить, кто это был, в руках этих чудовищ.

Люциан, без рубашки.

— Отпустите его! — он попытался закричать, но это прозвучало слабо и хрипло. Фигура, не обратив внимания, положила безжизненного мальчика на возвышенный алтарь.

Один из культистов всё-таки ответил на его крик. Фореман получил удар в челюсть, кровь и

несколько зубов вылетели из его рта.

Его зрение затуманилось, голова закружилась, но Остус всё ещё слышал шёпоты и шелковые тона.

Он не осмеливался сосредоточиться на словах, чтобы его разум не сошёл с ума.

Этот капюшонный колдун должно быть сказал что-то важное с еретической точки зрения. В момент, когда её слова закончились, символы невыразимого языка засветились пурпурным светом по всей каменной структуре.

И когда они засветились, Люциан начал содрогаться и биться, сражаясь со своими оковами.

Колдунья вернулась к своему ковену.

В течение нескольких ужасающе тихих минут предатели стояли там молча.

Затем начались заклинания. Мягкие и сосредоточенные, они начали где-то далеко за пределами видимости Остуса, постепенно доходя до центра круга.

И ужасная мысль пришла в голову Остусу Барроу.

Он может быть жив, истекающий кровью и раненый, как он был...

Но глядя на происходящее вокруг него...

Дела обстояли плохо.

— Это не выглядит хорошо, — пробормотал Кайус, опуская магнитные очки.

Полтора часа назад они преследовали Таурокс еретиков в внешнее кольцо города. Потеряв их на какое-то время, Линвуд заметил, как они мчатся в поля Хелиоса.

Куда бы они ни везли мальчика, это было в пригородных общинах. Фермеры.

Несколько засад поджидали их, но мощный залп болтерного огня или гусеницы прилично бронированного Таурокса, на котором они ехали, быстро решили проблему.

Затем они достигли первой из фермерских общин.

Даже издалека они могли предугадать её судьбу.

Яркие огни на горизонте оказались, как они и предполагали, горящими домами тех, кто трудился на полях.

На столбах, разбросанных по полям и дорогам пригородных общин, висели тела.

В основном, мужчин.

— Этот культ... как он так далеко распространился? — спросил Кайус.

Линвуд не знал ответа на этот вопрос. Он предполагал, что Инквизитор мог бы знать, но они, вероятно, так и не узнают.

Вид остановил их почти на месте.

Большое дерево было охвачено пламенем. Его листья и ветви горели. Дым поднимался к горизонту.

Но не дерево привлекло их внимание.

А то, что освещало большое пламя.

Они оба уставились на тело обнаженной девушки, её голова была опущена, а руки подвешены над ней. Длинные волосы покрывали переднюю часть её тела... и звезду Хаоса, вырезанную на её груди.

<http://tl.rulate.ru/book/108090/4300533>